

— Ты не эльф, — прозвучали слова, полные недоверия и легкой настороженности. Элион, радуясь, что понимает общий язык, инстинктивно прижался к рейнджеру, словно ища защиты. Он улавливал лишь обрывки следующих фраз, но, несмотря на ровный голос Арагорна, Элион чувствовал напряжение в движениях рейнджера, в руке, все еще лежащей на его плече. — Друг, — медленно произнес Арагорн, но в его голосе все еще звучала настороженность. Элион не сводил с него глаз, наблюдая, как тот направляется к сломанному мечу, — так Арагорн называл Нарсил, — и поднимает самый большой осколок. Элион поморщился, увидев кровь на пальце мужчины, но тут же забыл об этом, когда незнакомец снова посмотрел на них: его взгляд скользнул по лицу Арагорна, опустился к Элиону и снова вернулся к Арагорну, расширившись. Он резко что-то произнес на общем языке, и меч с грохотом упал на пол. В тишине зала этот звук раздался особенно громко. Человек развернулся и вышел. Арагорн выждал мгновение, не ослабляя хватки на плече Элиона, пока тот не покинул зал. Затем рейнджер взглянул на него, и ребенок без труда прочел послание в его глазах: "Там. Подожди здесь". Элион наблюдал, как Арагорн быстрыми шагами пересек зал, почти благоговейно поднял рукоять меча и положил его на постамент. Отступив назад, он задержал взгляд на мече. — Почему ты боишься прошлого? — прозвучал тихий, но полный горечи голос. Элион едва сдержался, чтобы не подпрыгнуть и не выпалить заклинание. Он не слышал, как подошла эльфийка, и ее голос застал его врасплох. Он отреагировал так же, как и в своем старом мире. Там любой звук мог стать угрозой. Но он был рад, что сдержался, когда понял, что эльфийка — та самая, что привела Фродо в Ривенделл. Судя по поведению Арагорна, она не представляла опасности. — Ты — наследник Исилдура, но не сам Исилдур. Ты не связан с его судьбой, — прозвучал спокойный ответ. Элион не обратил внимания на слова Арагорна, его мысли были заняты откровением эльфийки. Арагорн достаточно учил его истории, чтобы он знал, что Исилдур был королем Гондора после первого поражения Саурона. И то, что Арагорн стал его наследником, означало, что он был если не королем, то, по крайней мере, принцем. Элион никак не мог взять в толк, почему Арагорн, который должен был занимать столь важное место в этом мире, заботился о нем. Он был всего лишь ребенком, ничем не примечательным, а Арагорн относился к нему с добротой, никогда не отталкивал. Но зачем принцу или королю возиться с таким раздражителем и обузой, как он? Он оторвался от своих мыслей, услышав слова Арагорна: — Тени становятся все темнее, и путь скрыт от меня. Я не вижу надежды. Элион не знал, какой порыв движет им, но, не успев до конца осознать, что делает, он пересек комнату и обнял рейнджера. Он прекрасно знал, каково это — идти на войну, чувствуя себя потерянным и безнадёжным, но при этом осознавая, что должен сражаться. Никому не пожелал бы этого. Он не мог снять с Арагорна это бремя, но знал, насколько оно тяжело и как больно. Арагорн был так добр к нему, и он хотел отплатить ему единственным доступным ему способом — простым принятием и привязанностью ребенка. Арагорн обменялся взглядом с Арвен, которая с мягкой улыбкой смотрела на ребенка, примостившегося на талии рейнджера. Улыбка появилась на губах Арагорна, когда он обнял Элиона в ответ, чувствуя, как страх понемногу уходит перед лицом невинности и простодушной доброты. На сердце у него стало еще легче, когда Арвен положила легкую руку на его руку, а ее глаза без слов передали его любовь и поддержку. Элион посмотрел на волшебника, нахмутив брови, а затем опустил взгляд на сферу, которую держал в руке. После завтрака Арагорн привел его к Гэндальфу. Они объяснили друг другу, что Элиона нужно научить контролировать свои силы с помощью сосредоточения, и почему его магия может стать мишенью для Врага. Они также объяснили, что он будет учеником Гэндальфа, но на его вопрос, где он будет жить, не ответили: "Это зависит от Совета". Он не знал, как к этому относиться. С одной стороны, он не возражал против того, чтобы стать учеником волшебника. Гэндальф казался добрым и не пытался причинить ему вреда. Элион знал, что его нужно научить пользоваться фокусом, но более детская часть его души бунтовала. Они не уточняли, что именно произойдет после совета, и ему казалось, что они и сами не знают. Но Элион понимал, что, скорее всего, вскоре ему придется расстаться с Арагорном, а он не хотел этого. Разумом он понимал, что это неизбежно,

но это не означало, что ему это должно нравиться. Он хотел остаться с рейнджером. Арагорн был единственным человеком, которому он доверял. Он знал, что рейнджер был добр к нему, хотя он был королем, а Элион — всего лишь ребенком. Он вздохнул, когда шар в его руке внезапно засветился. В данный момент Гэндальф помогал ему найти и сделать предварительный фокус. Как объяснил старый Истар, это не будет его окончательным фокусом, ему придется создавать другие фокусы по мере роста и посох, когда он достигнет зрелости. Но сейчас ему нужен один, чтобы приучить его к сфокусированной магии. Он сделал шаг вперед, следуя за светящейся сферой, пока не дошел до дерева с прекрасными белыми цветами. Гэндальф последовал за ним. Когда Элион остановился, волшебник наклонился вперед: — Ветка Лайрелоссы, — сказал он. — Проведи магией по дереву, пока не найдешь ветку, резонирующую с магией. Как только найдешь ее, используй свою магию, чтобы отломить ветку. Элион нахмурился, услышав это указание: как он мог провести свою магию через дерево? Гэндальф увидел на его лице замешательство: — Положи руку на кору, — тихо сказал он. — А потом призови свою магию через руку и пропусти ее через дерево. Ты узнаешь, когда ветка войдет в резонанс. Элион все еще был в замешательстве, но все же положил свободную руку на кору и закрыл глаза, пытаясь понять, как призвать магию в свою руку. Он закусил губу, сосредоточившись. Он не знал, с чего начать, и, хотя перепробовал все, что мог придумать, ничего не получалось. Это начинало расстраивать. Он никогда не был самым терпеливым из людей, а с тех пор, как стал ребенком, его нетерпение, а также любопытство только усилились. Он открыл глаза и уставился на дерево перед собой. Почему ничего не получается? Он нахмурился еще сильнее, и на его лице появилось выражение недовольства. Внезапно он почувствовал толчок глубоко внутри себя и прилив энергии по руке и из ладони. Магия Элиона, подобно птице, взмыла и запела, вливаясь в могучее дерево, извиваясь и лаская его кору. От этой волнующей игры магии Элион рассмеялся, в груди затрепетало сердце, и он понял, что имел в виду Гэндальф, говоря о "знании". По телу пробежал электрический ток, когда магия Элиона коснулась одного из ветвей: он ощутил ее, будто она была частью его самого, пульсировала в унисон с его сердцем. Магия, как золотой ручей, хлынула по ветви, осыпая ее изумрудными и золотыми искрами. — Диффиндо! — прошептал Элион, и ветка, словно по волшебству, отделилась от дерева и упала в его раскрытую ладонь. Он провел пальцами по гладкой поверхности, она была длиной с его руку, и чувствовал, как магия отзывается на нее, но в этом отклике была какая-то неполнота, легкое ощущение незавершенности, словно чего-то не хватало. Элион повернулся к старому волшебнику, в глазах его читался вопрос, но Гэндальф лишь кивнул в сторону сферы. Элион быстро взял ее в руки, и на этот раз не пришлось ждать, когда она засияет, ведя его к дереву. Он узнал его — это было то самое дерево, которое он искал.